

Анна Покровская

МАЯКОВСКИЙ КАК ДЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

*Впервые опубликовано в: Книга детям. 1930. Вып. 2–3.
С. 16–20.*

Маяковский написал несколько текстов для книжек-картинок. Не все иллюстраторы удачно решили проблему оформления Маяковского. Некоторые своей претенциозной эффектностью мешают читателю. Нужно бы освободить стихи поэта от такого самодовлеющего оформления, нужно бы дать более цельное и строгое оформление. Маяковский тематикой и тоном своих стихов для детей обращается к дошкольникам.

Пока он не получил определенного отклика в детской среде. Дети его как будто не заметили. Может быть, и потому, что его не приняли педагоги и родители, составляющие часто непреодолимое средостение между поэтом и ребенком. Может быть, и потому, что его детские книжки — явление больше литературное, чем педагогическое. Футуристическая сущность Маяковского слишком заметна в его творчестве для детей.

В известном смысле и Чуковский был разрушителем старого шаблона детской книжки. Но поэтика Чуковского целиком коренится в классических традициях. Маяковский идет гораздо дальше. В своей первой сказке он пародирует инфантилизм самого Чуковского.

Сюжет этой сказки «О Пете, толстом ребенке, и Симе, который тонкий» разработан по схеме старых сказок о злых обжорах, которые, пожрав свои жертвы, лопаются и возвращают поглощенное невредимым. «Красная шапочка», «Коза и семеро козлят», «Великан людоед», «Кот, съевший попугая, стадо коров и весь королевский поезд», «Тыква, пожравшая целую африканскую деревню», «Верлиока», «Пеня», «Пыхтелка», «Бармалей» и «Крокодил», — все это варианты той же древней схемы. Не только схема, но и словесные формулы взяты Маяковским от сказки.

Начало:

Жили-были
Сима с Петей.

Заклинание:

Выйди, зверь и птичка.
Накажи обидчика.

Внезапные явления:

Вдруг,
откуда ни возьмись...
Вот так чудо.
Чудо-юдо...

Запевы глав:

Сказка-сказкой,
А щенок
Ковылял четверкой ног.
Сказка сказкою,
а Петя
Едет, как письмо в пакете

Концовка — моральный вывод:

Сказка-сказкою,
а вы вот
Сделайте из сказки вывод:
Полюбите, дети, труд,
Как написано тут.
Защищайте всех, кто слаб,
от буржуевых лап.
Вот и вырастете —
истыми
Силачами-коммунистами.

Инфантильный стиль Маяковский заимствует у буржуазных авторов сказок для маленьких детей. Злое и доброе начало олицетворено героями-детьми: жертва — нуждающийся в защите мохнатенький щенок, мстители — вороны и дикие звери, в арьергарде которых:

Два огромных крокодила,
как их мама уродила...

Награждают героя добрые животные: верблюд и баран. Словословят птички:

Птицы с песней пролетали —
Пели:
«Сима — пролетарий»

Завязкой действия служит сладкий пончик; атрибуты лакомства и еды занимают центральное место в сказке. Все комические ситуации выдержаны в инфантильном духе.

Но ни сказочный сюжет, ни инфантильный тон, ни словесные формулы не делают сказку Маяковского похожей на детскую сказку в старом смысле. В ней прежде всего отсутствует мировоззрение старой сказки.

Маяковский употребил сказочную форму только как литературный прием. Он подменил символический смысл сказочных героев; подменил старую мораль лозунгами сегодняшнего дня (люби бедняков, богатых круши); в формальные рамки сказки заключил футуристические словообразования («Пьют чай цветастой кружкой», «Щений голод видит Сима...», «За верблюдиной баранчик»); современный жаргон:

Прямо в вазу мордой лазит
Грязен он, по-моему,
Как ведро с помоями.
Пузу отдыха не дав.
Вгрызся он в железный шкаф,

и ряд деталей из злободневного московско-советского быта. Это — соединение старой сказки, буржуазного инфантилизма, детской книжки с октябрятскими лозунгами и современным бытовым окружением создает впечатление пародии. Комизм сказки был бы издевательским, если бы его не смягчал неожиданный ласковый юмор, проскальзывающий в самые острые и резкие моменты.

Вот, например, как милиционер отправляет наказанного зверями Петю к отцу:

Плохо Пете.
Пете больно.
Петя мчит,

Как мяч футбольный.
Долетел
от шишек страшный
Аж
до Сухаревой башни.
Для принятия строгих мер
К Пете милиционер.
Говорит он грозно Пете:
«Ты ж не на велосипеде?
Что ты скачешь, дрянный мальчик?
Ты ведь мальчик,
а не мячик.
Беспорядки.
Суший яд —
Дети этих буржуют.
Образина милая,
Как твоя фамилия?..
Где живешь,
мальчишка гадкий?»
Собеседник Петю взял,
Вчетверо перевязал,
Затянул покрепче узел,
Поплевал ему на пузо.
Грозно
вынул
страшный страж
Свой чернильный карандаш.
Вывел адрес без помарок.
Две
на зад
наклеил марки,
А на нос
—не зря ж торчать —
Сургучевую печать.
Сунул Петю
за щеку
Почтовому ящику.
Щелка узкая в железе.
Петя толст —
пищит, да лезет.
«Уважаемый папаша,
получайте
чадо ваше».

Сказка Маяковского — прежде всего пародия на старую детскую сказку. Это пародийное противоречие между традиционным приемом и современным материалом является по существу актом распада, уничтожения старой формы.

В этом ее футуристический смысл.

Назидательная «поэма о Власе, лентяе и лоботрясе» дана в реалистическом тоне, и ее пародийность менее обнаружена. Она гораздо заметней в книжке «Гуляем». Это — стихи к картинкам (крайне неудачным). Они даны в стиле старых азбук и книг по обучению грамоте:

«Вот Ваня
с няней.
Няня
гуляет с Ваней».
«Вот дома,
а вот прохожие.
Прохожие и дома,
ни на кого не похожие».
«Это — церковь,
божий храм.
Сюда
старухи
приходят по утрам.
Сделали картинку,
назвали — „бог“.
И ждут,
чтоб этот бог помог.
Глупые тоже —
картинка им
никак не поможет».
«Вот —
кот
раз шесть.
Моей лапкой
на морде шерсть.
Все с уваженьем
относятся к коту.
За то, что кот
любит чистоту».
«Это — буржуй.
На пузо глядь.
Его занятие —
есть и гулять...» и т. д.

«Эта дама —
плохая мама.
Ничего не делая,
Сидит,
От пудры белая»
и т. д.

Задача книжки достаточно очевидна: скомпрометировать установленный в буржуазных букварях круг тем и тон разговоров с маленькими детьми. Заострить новую установку, новую тематику окарикатуриванием старого приема.

В книжке «Что ни страница, то слон, то львица» текст также в виде подписи к картинкам, но здесь пародийность отсутствует.

Это довольно поверхностная, случайная и мгновенная игра, шутовское комбинирование слов, шрифта и картинок на книжной странице.

Получаются остроумные словесные эффекты:

Эта — зебра.
Ну, и цаца.
Полосатее
матраца.
Этот звер зовется
лама.
Лама-дочь
и лама-мама.
Маленький пеликан
и пеликан-великан.
Такую жирафу-мать
Младенцу есть за что обнимать.
Но горе папе:
ему
никак
Для шеи не выбрать
воротника.

Проблема конструкции книжного разворота путем комбинации рисунка с органически связанным текстом, данным в стиле плакатного лозунга, занимает Маяковского в книжке: «Что такое хорошо, что такое плохо?»

Эту книжку можно бы принять всерьез и взять ее катехизические тенденции, данные парами — в положительном и в отрицательном смысле — за лозунги поведения современного дошкольника, если бы не приходили в голову уроки поведения, преподаваемые

в детских книгах со времен XVIII века в виде ответов родителей и наставников на вопросы благонамеренных детей. Но все же смысл ее не в пародии, а в самой лаконической формуле ответов и в конструкции всего текста. Здесь все от современности: размер и ритм частушки, лаконизм, обобщенность и безличность плаката.

Если сын
чернее ночи,
Грязь лежит
на рожице —
Ясно,
это
плохо очень
для ребячей кожицы.
Если
мальчик
любит мыло
и зубной порошок,
Этот мальчик
очень милый,
Поступает хорошо.

В позднейших книжках Маяковский совсем уходит от пародии, — современная тематика и ее разрешение в детской книжке занимают его целиком. «Прочти и катай в Париж и Китай» — кругосветное путешествие, данное в сжатом, беглом, динамическом, полном энергии, выразительном в своей ритмике стихе.

Мелькают пейзажи:

Издали как будто горки.
Ближе будто горы тыщей, —
Вот какие
в Нью-Йорке
Стоэтажные домищи.

Среди океана
стоят острова,
Здесь люди другие
и лес и трава...

На острове
гора гулка.
Летим к волне другой воды,
гудит гора-вулкан...

Картины эксплуатации:

В рабочих привыкли всаживать пули,
рабочих таких называют кули.

Летит аэроплан:

Туча нам помеха ли,
Взяли и объехали!

Плывет пароход:

Волны злятся —
горы вод
смыть грозятся пароход.
Ветер,
бурей не маши нам:
быстро движет нас машина.

Мчится поезд:

Опять седобородый дым —
Не бреет поезд бороду.
Летим к волне другой воды
Летим к другому городу.

Это — богатое звуками, словами и образами стихотворение чересчур сложное, пожалуй, для детей.

Поверхностней «Про моря и про маяк». Здесь тема меньше, проще стихи, примитивнее образы.

Производственную тему взял Маяковский в книжке «Конь-огонь». Эта книжка наиболее цельно и тщательно, даже с шиком оформлена художником и издательством.

Как литературное произведение эта вещь чрезвычайно интересна. Она фактурна и ремесленна по своему словарю и по своему синтаксису. Художник понял это и дал ультрафактурные, картонно-игрушечные иллюстрации, чрезвычайно гармонирующие с текстом.

Но как детская книга она несет в себе уничтожающее ее противоречие: рассказ о производстве игрушечного коня, которого желает получить мальчик, мечтающий быть кавалеристом, разрушает иллюзию игрушки и вместо игры дает трудовой процесс.

Дети невзлюбили эту книжку. В ней предостережение не одному Маяковскому, а может быть, и всем конструктивистам-аналитикам, берущимся за творчество для детей.

Так же литературно значительна и поэтически богата последняя его книга детям — «Кем быть???» — на тему о выборе профессии.

В аспекте детского представления Маяковский дает характеристики разнообразных человеческих профессий: столяра, инженера, доктора, рабочего, кондуктора, шофера, летчика и матроса.

Это произведение трудно цитировать, оно слишком разнообразно, богато и сложно, — это, пожалуй, самое значительное из всех детских книг Маяковского. Но и оно далеко не просто для непосредственного детского восприятия. Его нужно культивировать в детском чтении. Мы привыкли в последнее время измерять детские книжки слишком прикладной меркой. Педагогическую ценность мы сводим к соответствию с прописной моралью рядового современного педагога.

Маяковского, к счастью, нельзя заподозрить в буржуазной идеологии. Но, являясь идеологом коммунизма, он вместе с тем был поэтом и как поэт свободно работал с разнообразнейшими литературными формами, начиная от сказки и моралистического рассуждения.

Его работа показала, как старая форма в применении к новой идеологии превращается в пародию самой себя, и вместе с тем он дал нам процесс кристаллизации новых поэтических образований из распада старых форм.

Педагогическое значение Маяковского не в его прописной морали, а в подлинности его поэзии. Он оставил в детской литературе вклад подлинного искусства реконструктивного периода со всеми его положительными и отрицательными чертами.